

Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Сирия и развилки ближневосточной неопределённости

Виталий Наумкин,
Василий Кузнецов

ru.valdaiclub.com
[#valdaiclub](https://twitter.com/valdaiclub)

Февраль 2025

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907845-23-7

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2025

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Виталий Наумкин

Академик РАН, научный руководитель
Института востоковедения РАН

Василий Кузнецов

Заместитель директора Института востоковедения РАН
по научной работе, заведующий Центром арабских
и исламских исследований Института востоковедения РАН

Содержание

- 3 I. Чёртова дюжина лет трансформации
- 9 II. Повестка дня для Сирии: институты
- 14 III. Повестка дня для Сирии:
территориальное упорядочивание
- 19 IV. Эмоциональные аспекты государственности
- 21 V. Сирия и её соседи

I. Чёртова дюжина лет трансформации

Скоро уже полтора десятилетия, как едва ли не самым популярным определением происходящего на Ближнем Востоке стало слово «трансформация». Трансформация обществ и экономик, политических систем и институтов, внешней политики и международных альянсов, стратегий негосударственных и государственных акторов, региональных и глобальных держав – в общем, всего на свете. И вроде бы такого срока должно быть достаточно, чтобы начали проясняться хотя бы общие контуры нового регионального устройства. Однако каждый год происходит нечто, позволяющее начинать аналитические размышления вечными словами о неопределённости текущей ситуации.

Изменения происходят по синусоиде. Бурные перемены начала 2010-х годов сменились некоторым замедлением к концу десятилетия, потом началось новое обострение. Можно выделить четыре фазы этого процесса.

Первая фаза

Первая из них продолжалась с 2011-го до 2013–2015 годов (в зависимости от страны): это было время массовых восстаний, свержения режимов, ослабления государственности и интеграции умеренных исламистских сил в легальное политическое пространство большинства стран региона.

Вторая фаза

Вторая фаза, начавшаяся где-то в 2013–2014 годах, а где-то – в 2015 году, знаменовалась реваншем антиисламистских сил в Египте и Тунисе и формированием более определённой, чем на первом этапе, структуры вооружённых конфликтов.

Выборы в Палату представителей Ливии в 2014 году зафиксировали формат внутригосударственного противостояния Востока и Запада, сохранявшийся следующее десятилетие вне зависимости от изменений в институциональном фасаде политической системы.

В Йемене начало военной операции против «Ансарулла» со стороны коалиции стран во главе с Саудовской Аравией закрепило в 2015 году расстановку политических сил – «Ансарулла» и бывшая правящая партия «Всеобщий народный конгресс» против «законного» правительства (*шар'ийа*) и союзного ему, но фактически преследующего собственные интересы Южного переходного совета.

В Сирии ввод российского воинского контингента осенью 2015 года позволил почти на десять лет сохраниться правительству в Дамаске, предоставив ему шанс пойти на политические реформы и продвинуться по пути политического урегулирования¹. Шансом Дамаск, как известно, не воспользовался. Как в Ливии и Йемене, в Сирии одновременно происходило перестроение конфликта. В качестве самостоятельной (и важнейшей) силы стали выделяться курдские формирования, появилась и взяла под контроль значительную территорию запрещённая в России организация ИГИЛ, а после введения зон деэскалации сирийская оппозиция, обосновавшаяся на подконтрольных Турции землях, приступила к формированию территориальных органов власти. Этот этап завершился в 2019–2020 годах.

Третья фаза

В последующие три-четыре года проявилась тенденция к снижению интенсивности вооружённых противостояний, но не к их урегулированию. ИГИЛ² вроде бы было разгромлено, по крайней мере как территориальное образование. Несмотря на множество инициатив по урегулированию конфликтов в Ливии, Сирии, Йемене, нигде не удалось добиться прочного мира. В других странах, также проходивших через болезненный опыт преобразований, наметилась тенденция к ослаблению политической оппозиции и концентрации власти в руках правительств. Последние, впрочем, столкнувшись с серьёзными экономическими вызовами, не предложили новые общественные договоры, аналогичные тем, что долгое время обеспечивали относительную стабильность политических режимов

¹ См.: Звягельская И., Кузнецов В., Наумкин В. Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 21.05.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-garmoniya-polifonii/>

² Признана в России террористической и запрещена.

ЧЕТЫРЕ ФАЗЫ ЭСКАЛАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Время массовых восстаний, свержения режимов, ослабления государственности и интеграции умеренных исламистских сил в легальное политическое пространство большинства стран региона

Тенденция к снижению интенсивности вооружённых противостояний, но не их урегулирование

- 1 Несмотря на инициативы по урегулированию конфликтов в Ливии, Сирии, Йемене, нигде не удалось добиться мира
- 2 В Ливане, Ираке, Алжире и Судане прошла мощная серия протестов, в последних двух случаях завершившаяся свержением правительств

2011–2015

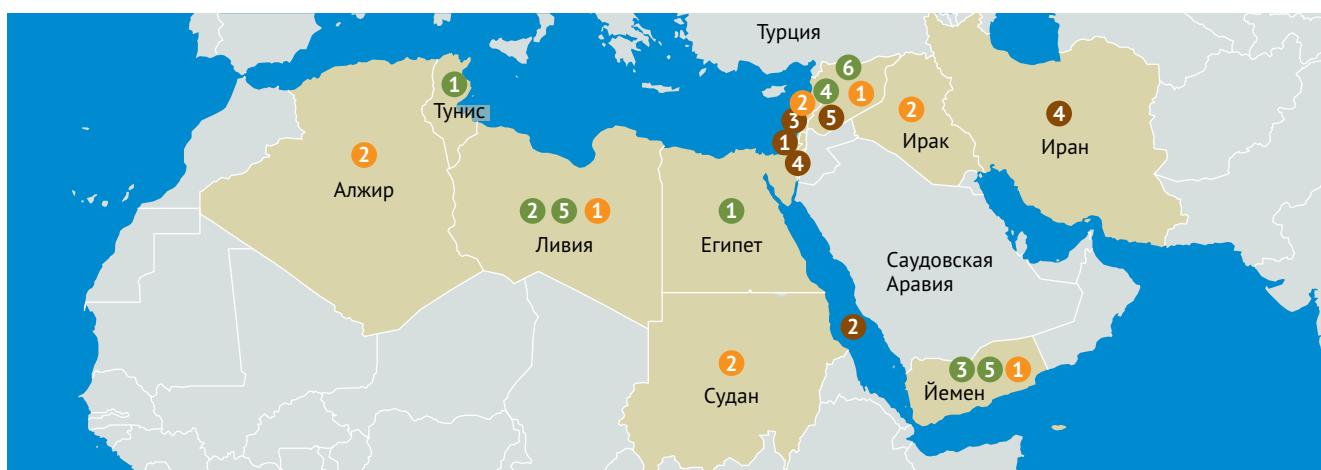
2013–2020

2020–2023

2023–2024

- 1 Реванш антиисламистских сил в Египте и Тунисе
- 2 Выборы в Палату представителей Ливии в 2014 году
- 3 Начало военной операции в Йемене против «Ансарулла» со стороны коалиции стран во главе с Саудовской Аравией в 2015 году
- 4 Ввод российского воинского контингента в Сирию осенью 2015 года
- 5 Переформатирование конфликтов в Ливии и Йемене
- 6 В Сирии на подконтрольных Турции территориях обосновалась сирийская оппозиция

- 1 Война в секторе Газа
- 2 Деятельность «Ансарулла» в Красном море
- 3 Эскалация на ливано-израильской границе
- 4 Обмен ударами между Израилем и Ираном
- 5 Свержение Башара Асада в Сирии

Базовые принципы российской политики на Ближнем Востоке вообще и в Сирии в частности, об отказе от которых речи не идёт. К ним относятся:

Убеждённость Москвы в необходимости укрепления государственности Сирии, защиты её суверенитета и территориальной целостности

Продолжение борьбы с терроризмом

Неприятие любых форм неокolonизма

Поддержка легитимного сирийского правительства

Необходимость политического урегулирования конфликта в соответствии с нормами международного права

Соблюдения этих принципов при тактической гибкости, думается, вполне достаточно, чтобы Россия могла продолжать играть позитивную роль как в Сирии, так и на всём Ближнем Востоке

XX века – действовавшие тогда негласные соглашения предполагали некоторые ограничения политических свобод в обмен на безопасность и развитие. Однако в современных условиях нараставшей международной напряжённости, неопределённости, кризиса глобальных институтов управления, пандемии и шоков на продовольственных рынках дело с перспективами развития не задалось.

В Ливане, Ираке, Алжире и Судане прошла мощная серия протестов, в последних двух случаях завершившаяся свержением правительств. Если Алжир смог быстро от этого оправиться и восстановить внутреннюю стабильность, то в Судане всё обернулось очередным вооружённым конфликтом. Некоторые аналитики называли этот процесс «арабской весной 2.0».

Четвёртая фаза

Четвёртая фаза разворачивается на наших глазах. В 2023–2024 годах война в секторе Газа, деятельность «Ансарулла» в Красном море, эскалация на ливано-израильской границе, обмен ударами между Израилем и Ираном и свержение Башара Асада в Сирии обозначили начало нового этапа.

Важно подчеркнуть – ни о каком его завершении речи пока не идёт. Чтобы это произошло, в Сирии, Ливии и Йемене должны быть сформированы стабильные политические системы, должна появиться ясность относительно устройства Палестины, наконец, требуется преодоление политических кризисов в Ливане и Ираке, решение проблемы наёмников, а политической власти ряда стран необходимо заручиться доверием общества и внедрить реальные программы развития.

Ничего этого нет. И откуда этому взяться, непонятно.

Возможно, одна из причин трансформационного тупика состоит в том, что испытания, выпавшие на долю обществ региона, связаны с проблемами как институционального дизайна политических отношений, так и их идейно-смысловой наполненности.

Удивительно, что, несмотря на событийную насыщенность последних лет, доминирующие в регионе политические нарративы демонстрировали завидное постоянство. В подавляющем большинстве случаев речь шла о сохранении одних и тех же трактовок реальности – либеральной, консервативной, исламистской, националистической. Каждая из них позволяла по-своему объяснять происходящее в мире, регионе и в конкретной стране, постулировала свой набор ценностей, определявших отношение к переменам, реакцию на них и предполагала выработку тех или иных стратегий политического поведения. У каждой такой трактовки был собственный набор сторонников и противников, конкуренция между которыми предопределяла тот или иной расклад общественно-политических сил в конкретных ситуациях. Так, либеральный лагерь после краткого периода воодушевления в 2011 году уступил позиции исламистам, но век их торжества тоже не был долог. На смену им пришли консервативные и националистические силы – казалось, этот поворот отражает на региональном уровне общемировую тенденцию последнего десятилетия. Однако падение режима Башара Асада позволяет говорить о возвращении в игру исламистов.

Всё это порождает ощущение бесконечного дежавю. Проходят годы, сменяются поколения лидеров, преобразуется мир вокруг, революции переходят в стагнации, а повестка дня всё та же: бесконечные неразрешимые конфликты, обсуждение одних и тех же проблем общественного развития, попытки преодолеть дихотомии цивилизационного выбора.

Казалось бы, некое исключение из общего правила предложили страны ССАГПЗ (прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ), выдвинувшие ряд стратегических проектов развития, однако общей региональной ситуации это не изменило.

С политическими институтами всё иначе. «Восстание масс», начавшееся в 2011 году, стало испытанием в первую очередь не для нарративов, а для институциональной архитектуры арабских политических систем, которая формировалась на протяжении десятилетий их независимого развития и попросту не была рассчитана на такое широкое политическое участие.

Именно это позволило многим специалистам в 2010-е годы говорить о кризисе ближневосточной (или арабской) модели государственности и вновь поднять вопросы о том, насколько вообще к региональным политиям подходит понятие государства-нации, существуют ли какие-то альтернативы ему, можно ли говорить о перспективах формирования новых общественных договоров в регионе.

Известные рецепты политической транзитологии на Ближнем Востоке не сработали (впрочем, отдельная тема для изучения – работоспособны ли они где-то ещё, то есть в принципе). Несмотря на многочисленные заявления о верности идеалам демократии, реальной поддержки институциональным изменениям в регионе со стороны Запада в должной мере оказано не было, всё свелось к набору более или менее примитивных лозунгов.

Пертурбации продемонстрировали не только хрупкость ряда политических систем, но и значительную резистентность множества более или менее традиционных политических институтов: племён, семейно-клановых групп, этноконфессиональных общин и прочих. Их значительный адаптационный потенциал позволял выстраивать горизонтальные социальные связи даже в условиях критического ослабления государств, например в Ливане или Ливии. Парадоксальным образом устойчивость неформальных институтов снижала общественный запрос на укрепление институтов формальных, которые в ряде случаев оказались и вовсе оторваны от социальной реальности. Об этом свидетельствуют данные избирательных кампаний по всему арабскому миру, демонстрирующие критически низкую поддержку действующих элит со стороны обществ. Кроме того, в той же Сирии именно уничтожение каких бы то ни было механизмов обратной связи между обществом и государством стало важнейшим фактором ослабления баасистов.

На системном уровне перед регионом стоят две задачи – выйти из порочного круга привычных трактовок реальности и восстановить баланс между формальными и неформальными институтами, укрепив таким образом государственность.

Пожалуй, наиболее отчетливо обе эти проблемы проявляются сегодня в Сирии.

II. Повестка дня для Сирии: ИНСТИТУТЫ

Не претерпевая на формальном уровне никаких существенных изменений, политическая система Сирии довольно сильно изменилась за время конфликта. К 2024 году она обладала всеми чертами хрупкого порядка ограниченного доступа. На практике это означало слабую господствующую коалицию, чья консолидированность обеспечивалась личными гарантиями отдельных лидеров, вокруг которых формировались те или иные группы интересов. Для неё были характерны: явный переизбыток механизмов, отвечающих за принятие решений и контроль, но дефицит механизмов донесения требований снизу; параллелизм нескольких вертикалей власти – семейно-клановых групп, силовых структур, государственного аппарата, партийной структуры «Баас» (Партия арабского социалистического возрождения) и религиозных институтов; прямое сращивание институтов госуправления, распределения ресурсов и бизнес-структур. Такая система, внешне весьма сплочённая, но в реальности довольно хаотичная, могла существовать исключительно при мощном персонализме. Постоянное его укрепление, в свою очередь, вело к размыванию институциональных основ власти.

Падение Башара Асада и приход к власти новых сил ставят серьёзные вопросы о будущем государства, которое может быть сохранено только в случае реализации целого ряда комплексных реформ. Среди них, как представляется, наиболее существенны пять направлений.

Первое. Прежде всего, разумеется, новой власти необходимо добиться реинтеграции частично или полностью независимых силовых структур в общенациональную систему вооружённых сил и спецслужб. Данная задача, конечно, осознаётся руководством страны, которое сразу начало принимать меры по обеспечению лояльности со стороны национальных силовых структур и по интеграции в них различных милиций. Этот процесс потребует не только времени, но и значительной выдержки от всех участников.

Обеспечить лояльность со стороны локальных вооружённых группировок в теории несложно – интегрировать их руководство в систему

управления, одновременно предоставив гарантии безопасности. На практике дело осложняется, во-первых, низкой степенью контроля за деятельностью проправительственных вооружённых сил на местах, во-вторых, реальными внешними угрозами, с которыми сталкивается население приграничных регионов, прежде всего на юге.

И всё же гораздо более сложная проблема заключается в том, чтобы бывшая вооружённая оппозиция, оказавшись у власти, начала идентифицировать себя не с отдельными политическими силами, а с государством как таковым.

С этим связаны и другие вопросы: как избежать кровной мести между людьми, совсем недавно сражавшимися друг против друга; как добиться, чтобы принадлежность к силовым структурам воспринималась их сотрудниками в качестве обычной государственной службы, а не доступа к ренте; наконец – как гражданской администрации заслужить лояльность вооружённых сил.

Второе. Второй комплекс проблем, которые могут быть решены только через масштабные реформы, связан с необходимостью установить доверие к новой власти со стороны технократической бюрократии, которая, собственно, и воплощает государство на местах и в последние годы страдала от негативных практик управления не меньше остальных сирийцев. Отсутствие такого доверия, как показывает опыт других стран, в перспективе вполне способно подорвать любой политический режим.

В принципе, необходимость взаимодействия со старым госаппаратом новые власти осознают – характерно, что до сих пор они не поменяли дипломатический корпус.

Вместе с тем на ряде направлений сохранить старую систему едва ли возможно. Это касается не только силового блока, но и, например, идеологически значимой системы образования, министерства экономики, влияние которого в госаппарате должно быть повышено, министерства местного управления. Последнее кажется особенно важным в среднесрочной перспективе, поскольку одна из ключевых задач будет состоять в обеспечении доступа населения к базовым услугам. В условиях экономической разрухи и гиперурбанизации последних лет (в Дамаске

с пригородами, по оценкам, сегодня проживает до 40 процентов населения всей страны) сделать это непросто.

Третье. Руководство должно сформировать каналы обратной связи между властью и обществом, а также механизмы легальной политизации требований. Последнее потребует пересмотра политики в отношении политических партий и движений.

В партии «Баас» в последние годы состояло около 1,8 миллиона человек, что в процентном отношении несколько меньше, чем при Хафезе Асаде, когда она объединяла до 18 процентов населения страны. Несмотря на снижение активности и популярности, «Баас» выступала значимым инструментом консолидации и обновления элиты, а также осуществляла руководство на местах. Партия оставалась единственной структурой, члены которой обладали достаточными компетенциями для выстраивания балансов сил между различными общественными группами на местном уровне. Шесть десятилетий пребывания у власти привели не только к накоплению управленческих компетенций, но и к размыванию иных механизмов администрирования. Наконец, после отмены закона №8 в 2012 году юридически партия перешла на самообеспечение, распоряжаясь колоссальным партийным имуществом.

В связи с этим возникает несколько вопросов: что делать с активами «Баас», сегодня официально переданными в управление различным государственным ведомствам; кто сможет использовать компетенции партийных кадров; какие новые механизмы управления придут на смену баасистским.

Стоит напомнить, что в Египте при Анваре Садате (равно как и в СССР в годы перестройки) демонтаж партии власти происходил изнутри – через формирование отдельных платформ, на базе которых возникали новые партии. Потенциал для такого процесса в «Баас» есть, однако Сирия пошла по другому пути – фактического замораживания деятельности «Баас». В Тунисе был выбран схожий механизм, партию «Демократическое конституционное объединение» распустили. Это привело сначала к тому, что новые силы, пришедшие к власти («Партия возрождения», или «ан-Нахда», а затем «Зов Туниса», или «Нидаа Тунис») попытались занять её место, а когда это не удалось, наступил глубочайший кризис самой партийной системы. Наличие в Сирии развитой традиции партийной жизни подобной угрозы не отменяет.

Здесь просматривается два сценария. Либо военно-политические организации трансформируются в партийные, либо на первый план выйдут традиционные институты самоорганизации общества – племенные группы и этноконфессиональные общины. С высокой долей вероятности процессы запараллелятся. Это в конечном счёте будет означать ливанизацию Сирии. Однако в Ливане опыт социальной самоорганизации на основе местных общин с ярко выраженным лидерством существовал непрерывно, в Сирии же он в основном утрачен. И сомнительно, что воспроизведётся в современных условиях.

Четвёртое. Важнейшей задачей для новых властей также будет отчуждение отдельных государственных ведомств от источников ренты. Это не просто борьба с коррупцией, а изменение самого *raison d'être*³ государственных институтов, вопрос не столько методологический (как делать?), сколько ценностный (что делать и зачем?), связанный с самим пониманием смысла существования государства.

Пятое. Прямое отношение к *raison d'être* имеет проблема инклюзивности политической системы. Что означает это понятие в современной Сирии – не вполне ясно.

В самом узком смысле речь, конечно, идёт о включённости в политическую систему всех многообразных структур, которые ранее представляли сирийскую оппозицию и сегодня пришли к власти. На протяжении предыдущих нескольких лет «Хайят Тахрир аш-Шам»⁴ постепенно брала власть над всеми группировками в Идлибе, однако превратиться в единственного представителя оппозиции не смогла. Как ни парадоксально, обеспечить единство рядов, оказавшись у власти, будет ещё сложнее – отсутствие единого мощного противника, с одной стороны, и существование даже внутри самой организации совершенно разных представлений о будущем страны, с другой, сделают консолидацию маловероятной. Как будет происходить формирование новой элиты, кто будет в неё включен, а кто отторгнут – непонятно.

В более широком смысле инклюзивность системы предполагает представленность в ней всех сирийцев. С одной стороны, это может мыслиться

³ Фр.: *Raison d'être* – смысл, смысл существования, разумное основание существования.

⁴ «Хайят Тахрир аш-Шам» – «Организация освобождения Леванта» – признана в России террористической и запрещена.

консоциалистски, как в Ливане и Ираке. То, что у новых властей, и особенно у их зарубежных партнёров, будет стремление воспроизвести опыт соседних государств, вполне естественно. Однако, даже если закрыть глаза на то, что ни Ливан, ни Ирак не могут считаться образцами устойчивых и эффективных политических систем, нельзя забывать об ограничениях, которые накладывает на консоциализм сам этноконфессиональный состав сирийского общества. Тотальное доминирование в нём суннитов (три четверти населения) и высокая раздробленность иных конфессиональных групп делает вариант с пропорциональным представительством бессмысленным. Такая же ситуация и с этническим представительством – доминирование арабов лишает смысла пропорциональное представительство других групп. В обоих случаях речь может идти скорее о защите прав меньшинств. Наконец, третий вариант, предполагающий сообщественность регионов, кажется сомнительным в силу изменившегося распределения населения в стране за годы конфликта.

Ещё один вариант инклюзивности предусматривает включённость в политическую систему всего спектра идеологических направлений. Здесь возникают вопросы как относительно возвращения во власть представителей прошлого режима (и соответственно – о люстрациях, негативный опыт которых имелся в Ираке), так и о том, какие ограничения на создание политических партий будут наложены. Разрешат ли создавать партии на регионалистской или этноконфессиональной основе (вероятно, нет) и как ограничат деятельность исламистов? Понятно, что сама история «Хайят Тахрир аш-Шам»⁵ делает участие во власти исламистов неизбежным. Они, впрочем, представлены в политических системах большинства других арабских государств, однако это представительство всегда ограничено так называемыми умеренными силами и предполагает жёсткий запрет на деятельность радикалов. Впрочем, критерии отделения одних от других во всех странах разные – какими они будут в новой Сирии пока неизвестно.

Кроме того, политическая интеграция исламистов практически нигде не обеспечила им лидерства, а предпринимавшиеся ими попытки исламизации политических систем успехом не увенчались. Именно поэтому они повсюду стараются исламизировать общественную жизнь, что, в свою очередь, требует контроля над отдельными институтами.

⁵ Признана в России террористической и запрещена.

Весьма важной кажется по этой причине судьба министерств образования, юстиции (справедливости), а также министерства вакфов. В результате нескольких реформ последних лет последнее получило экстраординарные полномочия по управлению всей религиозной жизнью суннитов и соответствующей инфраструктурой. Однако исторически управление религиозной сферой в Сирии было децентрализовано – как и в других сферах, оно выстраивалось через систему сложных балансов отношений между различными институтами и лидерами, одна часть которых после начала конфликта проявила лояльность Дамаску, в то время как другая присоединилась к оппозиции. Вопрос, кто и как сегодня будет управлять религиозной инфраструктурой, не менее важен, чем вопрос о наследии «Баас».

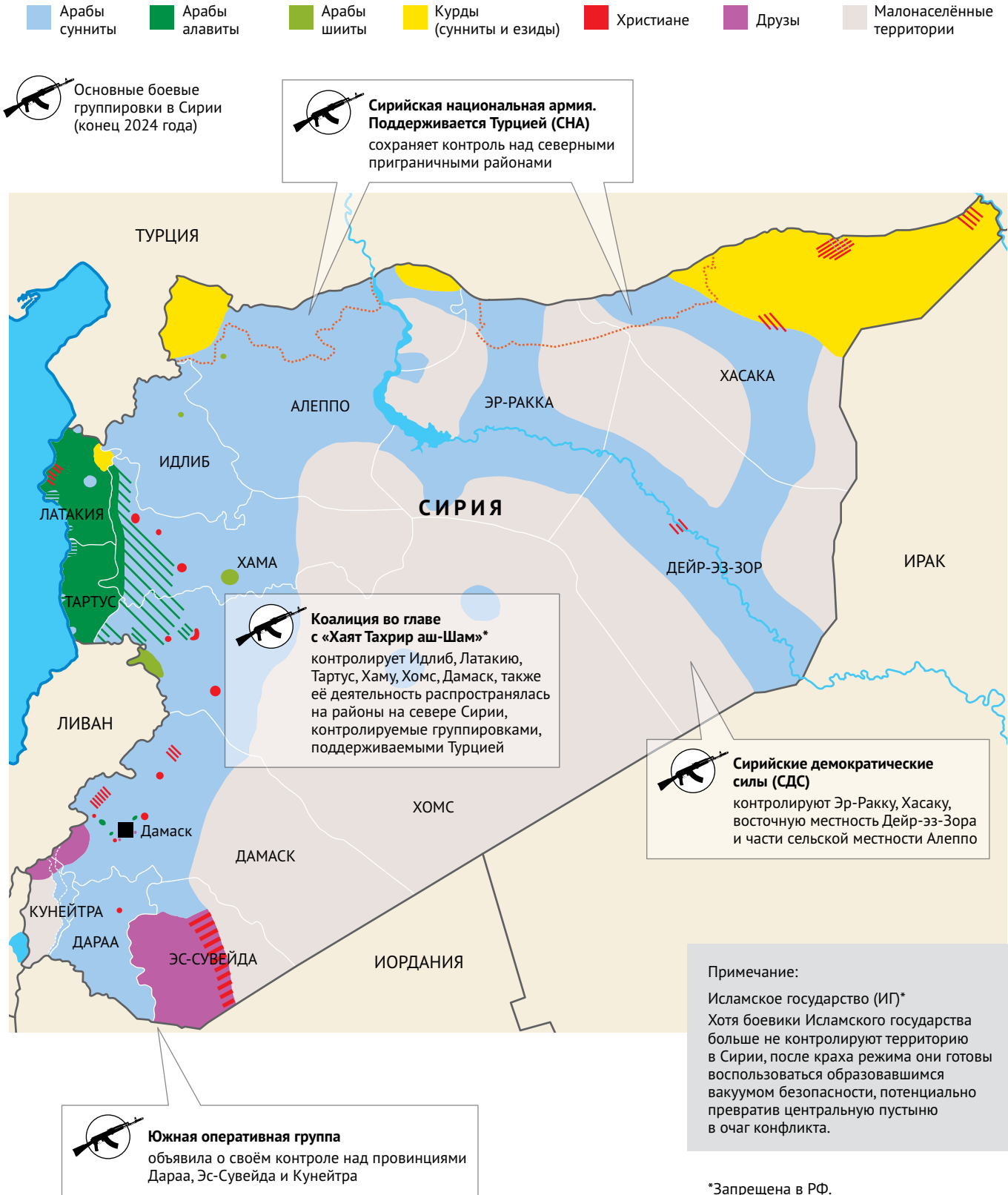
Успешное решение описанных проблем будет непростой задачей для новых властей. С одной стороны, им будет отчаянно нужна поддержка внешних сил, без помощи которых улучшить экономическую ситуацию и обеспечить лояльность населения на переходный период практически нереально. Однако, с другой стороны, чтобы провести необходимые реформы, отыскав ответы на трудные вопросы, часть из которых обозначена выше, им придётся доказать верность идее национального суверенитета Сирии и готовность действовать именно в национальных интересах.

III. Повестка дня для Сирии: территориальное упорядочивание

Пока мы говорили лишь о функциональном измерении политической системы, но существует и целый комплекс вопросов, связанных с географическим измерением системы, границами, административно-территориальным устройством. Сегодня на повестке дня стоит множество вариантов – от распада страны до различных версий децентрализации.

Распад, впрочем, как и вообще отказ от территориальной целостности Сирии – едва ли не самый плохой способ провести территориальное упорядочивание. Подчас встречающиеся в печати романтические рассуждения о перспективах создания нескольких государств (алавитского, суннитского,

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ И ОСНОВНЫЕ БОЕВЫЕ ГРУППИРОВКИ В СИРИИ

курдского, друзского) по модели времён мандата не имеют отношения к реальности. Никаких гарантий успешности такого рода образований нет. Мировой опыт последних лет указывает, что мы, вероятнее всего, получим при таком сценарии вместо одного конфликтного государства – несколько, и ни одно из них не будет обладать экономическим потенциалом для выживания.

Кроме того, перспектива изменения границ послужит опасным прецедентом для всего региона. Пусть постколониальные соглашения, приведшие к формированию современной карты, и были несовершенно, а сами обстоятельства их разработки и принятия иначе как порочными не назовёшь, регион существует в предложенных границах уже почти столетие, их пересмотр откроет ящик Пандоры.

В этом плане опасными выглядят экспансионистские идеи, высказываемые некоторыми политическими силами в Израиле и Турции. Попытки реализации этих идей создадут угрозу не только Сирии, но и самим этим странам, идентичность которых будет поставлена под сомнение. Так, разумеется, не должно идти речи об отторжении (или о признании отторжения) от Сирии ряда южных регионов, включая Голаны. Даже сама угроза этого может стать консолидирующим фактором для сирийских исламистов и националистов.

Другой вариант упорядочивания – различные стратегии децентрализации Сирии, вплоть до федерализации, которая пока действующей властью отвергается.

Что касается децентрализации, то теоретически сам её принцип является как императив едва ли не во всех арабских государствах, однако на практике дело обстоит сложнее. Как правило, говорится о выборе между административной децентрализацией, предполагающей делегирование полномочий из центра на периферию, экономической, означающей порядок распределения ресурсов, и политической, предполагающей представленность регионов в общенациональных органах власти. Первая осуществляется на практике довольно часто, вторая – реже (например, в Ливане), третья – почти никогда, если речь не идёт уже о федерализации.

Сама идея децентрализации или даже федерализации в случае с арабскими странами означает общественный договор между элитами отдельных регионов и населяющих их групп по распределению ресурсов и ренты. В наиболее очевидной форме эта модель сегодня явлена в Ираке, конституция которого предполагает распределение нефтяной ренты между регионами пропорционально численности населения.

Однако в XX веке можно обнаружить и иные примеры. Так, хотя объединение Саудовской Аравии происходило через силовое присоединение различных областей к Неджду, в каждом конкретном случае статус областей определялся особо на основании реального баланса сил. При этом, как показал арабист Григорий Косач⁶, хотя хиджазские элиты не были напрямую кооптированы в политическое руководство страны, они заняли доминирующее положение в целом ряде сфер государственной политики. В истории формирования ОАЭ подобные соглашения между правящими семействами эмиратов были выражены ещё более явно, отказ от присоединения к федерации Катара и Бахрейна оказался связан как раз с невозможностью установления необходимого баланса. Наконец, в Султанате Оман современная государственность возникла на основе соединения двух государственных образований – султаната Маскат и имамата Оман; а в Йемене – сначала через соединение государственных образований южной части страны в рамках Южного Йемена, а затем – через соединение юга и севера.

Все эти примеры (к ним можно присовокупить монархические Ливию и Ирак) подтверждают существовавшую в арабском мире XX века тенденцию образования государств через собирание регионов в единое целое. Во всех этих случаях вектор развития был однозначен – от раздробленности к единству через договорённости между местными элитными группами и далее – к централизации. Удачных примеров обратного движения – от (сверх-) централизованного государства в сторону государства автономий или федерации – не найти. Единственным, весьма спорным, исключением здесь является Ирак.

⁶Косач Г.Г. Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2008.

Сирийский случай, впрочем, тоже особый. Исторически для страны характерна высокая степень фрагментированности территории. Можно говорить о нескольких исторически сложившихся на её территории культурно-политических и экономических ареалах – Дамаске и Алеппо, испокон веку конкурировавших между собой, о прибрежной Латакии, а также внутренних районах страны, в частности Эль-Хасаке. Да и в экономическом отношении накануне конфликта наиболее развитыми регионами были как раз Дамаск и его пригороды, Алеппо, Хомс, Хама и Эль-Хасака. В то же время Идлиб, превратившийся за последние годы в один из самых густонаселённых регионов, оставался аграрной и слабо развитой в экономическом плане провинцией.

Задачи децентрализации провозглашались как Хафезом Асадом, принявшим 11 мая 1971 года закон №15 «О местном самоуправлении», так и Башаром Асадом, принявшим одноименный законодательный акт №107 1 октября 2011 года. Тем не менее по мере развития конфликта шансов на реализацию закона становилось всё меньше. С одной стороны, Дамаск рассматривал перспективы децентрализации как прямую угрозу сохранению единства Сирии. С другой, на неподконтрольных Дамаску территориях сформировались собственные экономические системы, интегрированные либо с Иракским Курдистаном, либо с Турцией.

Все эти обстоятельства складываются в непростую головоломку для новых властей Сирии. С одной стороны, децентрализация представляется перспективной стратегией для инкорпорирования во власть региональных элит и разделения с ними ответственности за будущее. Теоретически она может помочь решить и курдскую проблему – накопленный за последние годы опыт переговоров Дамаска и курдских властей был бы здесь востребован.

С другой стороны (и здесь фактически повторяется логика Асада), децентрализация в условиях серьёзных внешних угроз, хрупкости институтов, слабости центральной власти, экономической разрухи и асимметрии экономического развития регионов, многие из которых просто не в состоянии себя обеспечить, легко может стать прямым путём к развалу страны.

В этих обстоятельствах одной из опций, по всей видимости, будет не формальная децентрализация, а кооптация региональных элит в общенациональные органы власти.

IV. Эмоциональные аспекты государственности

Необходимо сказать и ещё об одном аспекте укрепления государственности – эмоциональном.

Ошеломляющая быстрота падения Башара Асада связана не столько с кризисом институтов, сколько с тем простым обстоятельством, что во всей сверхмилитаризованной стране, пережившей дюжину лет гражданского противостояния, не нашлось никого, кто был бы готов с оружием в руках защищать правящую группу. Да, конечно, успеху повстанцев способствовали и агентурная работа, и какие-то неформальные договорённости, однако всё это вторично по отношению к неготовности общества защищать власть. Этим, кстати говоря, ситуация 2024 года принципиально отличалась от 2011 года, когда сирийское общество оказалось расколото. В сегодняшних событиях можно увидеть сходство Сирии с Тунисом и, хотя и в меньшей степени, с Египтом 2011 года – ни у Бен Али, ни у Мубарака тоже тогда не нашлось защитников.

В период активной фазы гражданского противостояния в Сирии консолидация сторон в значительной степени объяснялась тем, что конфликт для них приобрёл экзистенциальное значение, поражение означало прямую угрозу их физического уничтожения.

Сегодня видимое отсутствие экзистенциального измерения конфликта открывает дорогу для компромиссов, однако его недостаточно для выстраивания новой государственности. Ещё испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет в известном эссе «Бесхребетная Испания» отмечал, что если понимать «национальное единство» как «динамичную систему», то для её существования «в ней обязательно должны присутствовать как центробежные, так и центростремительные силы». Если центробежные силы сохраняются в системе просто вследствие путей её формирования, то центростремительные формируются через «проект совместной жизни»: «...нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего»⁷.

⁷ España invertebrada, 1921. На русском языке см.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ, 2008.

В самом деле, именно предложение проекта будущего стало важнейшим шагом таких арабских государств, как Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, и ряда других в укреплении государственности в последние годы. В случае с Сирией в этом контексте важно, как представляют будущее страны новые власти.

Учитывая историю «Хайят Тахрир аш-Шам»⁸, первое, что приходит в голову, это, конечно, построение исламского государства. Впрочем, за те годы, когда «Хайят Тахрир аш-Шам»⁹ осуществляла контроль над Идлибом, она продемонстрировала способность к внутренней трансформации в сторону относительного снижения радикализма и большему прагматизму – сегодня она стоит на позициях, близких к «Братьям-мусульманам»¹⁰.

При этом, как показывает опыт ряда стран, предлагаемые исламистами интерпретации религиозных норм могут вполне сочетаться с идеей «гражданского государства» (*даула маданийа*), предполагающего в том числе защиту интересов этноконфессиональных меньшинств, процедурную демократию и прочее. Но проблема не в конкретных ситуативных решениях, а в общем подходе, из которого исходят политические элиты. По мнению критиков исламизма, его политическая гибкость носит исключительно оппортунистский характер и не отменяет конечного стремления к построению истинно исламского государства – это предполагает, что угроза меньшинствам никуда не исчезнет, сколь мягкую позицию исламисты не занимали бы в тех или иных обстоятельствах места и времени.

Понятно, что в исламистской логике важно взять под контроль систему образования, судебную систему, а также министерство вакфов. Собственно, первые шаги новой власти и демонстрируют усилия именно на этих направлениях.

Намечается несколько линий потенциальных конфликтов: внутри исламистского лагеря как между радикалами и умеренными, так и между сторонниками различных течений политического ислама; между исламистами и националистами разных толков. Точкой консолидации мог бы стать вопрос

⁸ Признана в России террористической и запрещена.

⁹ Признана в России террористической и запрещена.

¹⁰ Признана в России террористической и запрещена.

о территориальной целостности Сирии, прежде всего связанный с экспансионистскими притязаниями Израиля. И хотя сегодня сил на полномасштабную войну с Израилем у сирийцев объективно нет, на идейном уровне стремление к восстановлению территориальной целостности государства сохраняет объединительный потенциал.

Стоит, впрочем, отметить, что попытки сделать ставку на восстановление территориальной целостности предпринимались и администрацией Башара Асада.

Другой объединяющей общество темой могло бы стать постконфликтное восстановление. Помимо немалых финансовых вложений, это требует укрепления идеологии соработничества разных слоёв населения ради общего будущего. Перспективным видится конвергенция сирийского национализма и исламизма, весьма полезной была бы опора на изначально сильные в Сирии структуры гражданского общества, как традиционные, связанные с деятельностью общин, так и современные.

V. Сирия и её соседи

Все эти проблемы сирийской (хотя и не только) государственности становятся особенно острыми на фоне стремительно меняющегося регионального баланса сил. Ослабление позиций Ирана, ХАМАС, «Хизбаллы» в Ливане, падение режима Башара Асада в Сирии создали окно возможностей для иных региональных игроков, прежде всего Израиля и Турции, но также и для арабских монархий Залива. Ситуация здесь, однако, не настолько однозначна, как может показаться.

Что касается Израиля, традиционно внешняя политика страны, в том числе в вопросе о Голанах, самими израильянами объяснялась необходимостью обеспечения собственной безопасности. Действительно, масштабные удары по военной инфраструктуре Сирии в конце 2024 года вроде бы были направлены на то, чтобы лишить потенциального противника военных возможностей. Однако сегодня речь идёт и о дальнейшей территориальной экспансии, которую соображениями безопасности объяснить уже намного сложнее, – она скорее вписывается в логику еврейского

ультранационализма, в значительной степени апеллирующего к исторической мифологии. Вопрос, в чём именно заинтересован Израиль: в установлении прямого контроля над отдельными территориями (какими?) или в создании широкой буферной зоны, возможно, под эгидой дружественного политического режима, контролирующего приграничные районы, остаётся открытым, как и вопрос об отношении к израильским действиям со стороны не только Дамаска, но и друзского населения юга Сирии.

Столь же неочевидна ситуация с Турцией. Заинтересованность Анкары в нанесении стратегического поражения курдам и, вероятно, в создании буферной зоны вдоль сирийско-турецкой границы понятна. Развитие событий здесь будет зависеть, прежде всего, от действий курдов и поддерживающих их США. Последние заинтересованы сохранить рычаг давления и на турецких партнёров, и на новые сирийские власти, но до какой степени они готовы инвестировать в курдов при администрации Дональда Трампа, неизвестно. Неизвестно и то, возможно ли сближение между курдами и занимающими ключевые позиции в Дамаске исламистами.

Ещё одна группа акторов – арабские монархии Залива, чувствующие себя триумфаторами в Сирии и Ливане, новый президент которого считается сторонником Саудовской Аравии. В отличие от вовлечённых в сирийские дела в военном отношении Ирана, Турции или Израиля арабские монархии могут укреплять своё положение, главным образом используя экономические рычаги. Это снижает уровень угроз, но одновременно ограничивает перспективы усиления их влияния в стране. Потенциально возможное расширение сирийско-израильского конфликта, равно как и вероятная новая радикализация сил, пришедших к власти в Дамаске, очевидно, не соответствует интересам арабских монархий. Интересы, впрочем, у разных стран ССАГПЗ разные и степень их сопряжения далеко не всегда очевидна. Если Катар всегда оставался неприимирим к режиму Асада, то Объединённые Арабские Эмираты и в меньшей степени Саудовская Аравия до последних событий демонстрировали готовность налаживать отношения с Дамаском. В этих обстоятельствах посреднические усилия Абу-Даби и Эр-Рияда, поддерживающих отношения со всеми акторами в Сирии, могут оказаться востребованы.

Говоря о роли внешних акторов в Сирии, разумеется, нельзя забывать и об Иране, интересы которого пострадали от событий конца 2024

года больше всего. После критического ослабления «Хизбаллы» и падения режима Асада ситуация выглядит так, словно Исламская Республика лишилась значительной доли своих позиций в регионе. Однако всё может измениться. В конечном счёте та часть населения Ливана, выразителем интересов которой выступала «Хизбалла», никуда не исчезла, как и накопленные организацией за десятилетия её деятельности компетенции и ресурсы. Точно так же и в Сирии. Тегеран много инвестировал в создание базы поддержки на земле, и если новым сирийским властям не удастся консолидировать общество, у Ирана может появиться новый шанс на восстановление влияния, пусть и частичное.

Наконец, нельзя забывать и о самом Дамаске. На нынешнем этапе, как представляется, перед ним стоит несколько внешнеполитических задач.

Во-первых, ему нужно добиться максимально возможной международной легитимации, с чем связаны и многочисленные визиты зарубежных высокопоставленных дипломатов, и открытие посольств, и проведение встречи министров иностранных дел в Эр-Рияде. Обращает на себя внимание, что практически всегда подчёркивается временный характер текущего положения дел.

Во-вторых, укрепить позиции внутри страны, не допустив её превращения в поле вооружённого соперничества между различными внешними силами. Это потребует не только решения множества описанных выше проблем внутривосточного развития, но и обеспечения экономической поддержки (критически важными кажутся вопросы о снятии санкций и заинтересованности монархий Залива), а также способности новых властей поддерживать сложный баланс интересов между внешними акторами – региональными и глобальными, включая Россию. Немаловажно, до какой степени Дамаск окажется готов придерживаться заявляемой им стратегии на реализацию положений резолюции 2254 СБ ООН.

В-третьих, пришедшим к власти в Дамаске силам необходимо определиться с приоритетами внешней политики. Будут ли они действовать в интересах укрепления сирийской государственности или среди них возьмёт верх группа, более заинтересованная в укреплении позиций исламистских сил по всему региону? В последнем случае перспективы выхода Сирии из кризиса не представляются обнадеживающими.

Ситуация в Сирии провоцирует множество вопросов. В этом, казалось бы, нет ничего необычного – к перманентной ближневосточной неопределённости все давно привыкли. Необычна разве что острота сложившейся ситуации, развитие которой будет оказывать существенное влияние на весь Ближневосточный регион. Её значимость предопределяется не только географическим положением Сирии и переплетением в сирийском конфликте интересов едва ли не всех региональных и большинства глобальных игроков, но и самим характером проблем, с которыми сталкивается республика. Пусть и в менее болезненной форме, но все они проявлялись и продолжают проявляться в большинстве государств региона.

Что же касается политики России в Сирии, то её проведение должно учитывать описанную неопределённость и многовариативность развития событий.

Да, разумеется, существуют базовые принципы российской политики на Ближнем Востоке вообще и в Сирии в частности, об отказе от которых речи не идёт. К ним относится убеждённость Москвы в необходимости укрепления государственности Сирии, защиты её суверенитета и территориальной целостности, продолжения борьбы с терроризмом, неприятие любых форм неокOLONиализма, поддержка легитимного сирийского правительства, необходимость политического урегулирования конфликта в соответствии с нормами международного права.

Соблюдения этих принципов при тактической гибкости, думается, вполне достаточно, чтобы Россия могла продолжать играть позитивную роль как в Сирии, так и на всём Ближнем Востоке.

 Valdai_Club
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ